

В.Я.Дахин,
доктор исторических наук,
ИМЭМО

**Социальные последствия
"либеральной революции" в России**

Одним из важнейших факторов устойчивости общественного развития является проблема достижения социальной стабильности. Нам кажется, что именно этот фактор традиционно чужд практически любому циклу российских преобразований . Недаром профессор О. Лацис обратил внимание на то, что понятие «социальный работник» почти неизвестно как в старой, так и в новой России. Действительно, это так - социальная сфера всегда

стояла на последнем месте в приоритетах российского реформирования, что, собственно, и предопределило крах попыток модернизации страны. Особенности этих попыток, за редким исключением, заключались в том, что они по природе своей были асоциальны: либо консервировали социальную сферу, либо разрушали ее.

Социальный аспект является неотъемлемой частью любого экономического преобразования. Это предопределено уже тем, что реформы всегда проводятся в конкретной социальной среде. Практически каждому этапу развития общества соответствует и свой комплекс реформ, но их успех в конечном счете определяется тем, удастся ли в их ходе сохранить социальную стабильность. Поэтому реформы утрачивают стихийный характер и становятся управляемыми. Возрастает роль государства, причем зачастую не только и не столько в их проведении, сколько в компенсации тех социальных издержек, которые их сопровождают, и, наконец, в придании им социального характера. Тем самым регулируемыми становятся и сами экономические преобразования.

Со временем одной лишь компенсации социальных последствий становится недостаточно, возникает необходимость в продуманной социальной политике. Примерами могут служить цели и задачи, выдвинутые в процессе преодоления "великого кризиса" конца 20-х — начала 30-х годов в ведущих странах: с одной стороны, "новый курс" Ф.Рузвельта в США, с другой — реформы, проведенные фашистскими режимами в Италии и Германии. В них четко просматриваются не только компенсационные механизмы, но и определенные черты того, что можно назвать "социальной инженерией". Эти аспекты все больше выступают на первый план. Достаточно вспомнить послевоенную реконструкцию экономики Западной Европы — учет социальных последствий позволил провести ее не только без социальной напряженности, но и при прямом участии общества, хотя временами эти меры принимали болезненный характер.

Конечно, о полном учете социальных аспектов в экономических преобразованиях говорить не приходится. Достаточно часто даже в регулируемом процессе развития имеют место разрыв, недооценка и прямое игнорирование социальных проблем, а это неизбежно искажает характер экономических преобразований, требует дополнительных усилий для их проведения. Так происходило на первых этапах НТР, в период свертывания "государства всеобщего благосостояния" и его замены неоконсервативной перестройкой (рейганомика, тэтчеризм). Тем не менее социогенные аспекты экономических реформ сопровождались активизацией социальной политики государства, особенно в периоды экономических преобразований. Сейчас уже общепризнанно, что социальная сфера государства должна состоять из трех компонентов: собственно государственного, частно-предпринимательского и общественного.

Однако впервые элементы "социальной инженерии" в экономических преобразованиях, на наш взгляд, проявились в социалистических реформах. Они имели не только ярко выраженный социальный характер, но и социальную направленность, подчиненную политическим и идеологическим задачам. В результате была сформирована не только специфическая политическая, но и уникальная экономическая

система, базирующаяся на социальной однородности и высокой степени социальной защищенности. Социальная сфера также стала трехсекторной: первый сектор — государственный; второй заменил частную социальную политику на предприятиях и стал источником социальной защищенности и получения социальных услуг, третий — квазиобщественный, который был всего лишь продолжением государственного и больше выполнял функции контроля над поведением личностей, объединенных для удобства управления в коллективы, союзы, общества и тому подобные формальные организации*.

Эволюционное направление модернизации, наметившееся во второй половине 80-х годов, было искажено субъективным фактором борьбы за власть. Для завоевания власти (а потом и для упрочения нового режима) была использована идея радикальных либеральных реформ. Внешне она базировалась на провозглашении и реализации базовых либеральных принципов, позволявших прежде всего разрушить старую социально-экономическую и политическую систему, сохранявшую способность к сопротивлению и реставрации и тем самым создававшую постоянную угрозу для новой власти. Таким образом, идея либеральных преобразований превратилась в идею либеральной революции, т.е. приобрела четкий политический характер. Полностью сбрасывалось со счетов то исключительно важное обстоятельство, что либеральная экономическая политика асоциальна по своей природе и при ее проведении задачи соответствующей социальной компенсации непременно должны брать на себя государство, частный бизнес, общество.

В нашем случае социальная политика государства пала жертвой этой либеральной революции, общество же в России так и не развилось в гражданское. Отрицание роли государственного регулирования и роли государства вообще явилось следствием гипертрофированного отрицания тотального огосударствления. Отвергая регламентирующую роль государства в опеке над каждым шагом личности, либеральные демократы перенесли это отрицание на весь комплекс государственных функций в организации жизни общества. Российские частнопредпринимательские круги традиционно лишены социальной ответственности и приняли лишь идею развития платной социальной сферы, доступной верхам общества.

Поскольку либеральные ценности асоциальны по своей природе, либеральные реформы в соответствии с логикой революции были использованы в качестве средства разрушения прежних социальных систем, сфер и структур, которые рассматривались как база старых ценностей и поведения. Более того, став деструктивными по назначению, отдельные либеральные по замыслу реформы усугубили глубочайший структурный кризис экономики. Быстрым темпом находящиеся в кризисе предприятия стали терять свое социальное назначение: из средства социальной защиты и источника получения социальных услуг широкими слоями наемных работников они превратились в фактор общего обнищания основной массы населения

* С моей точки зрения, уже к концу 60-х годов государство перестает быть тоталитарным, превращаясь в авторитарное, основанное на тотальном этатизме в социально-экономической сфере.

(остановка предприятий, систематическая невыплата зарплаты, первоочередное свертывание социальной сферы).

Общество в России, будучи безгражданским, не смогло взять на себя компенсирующую роль при свертывании социальной политики. Во-первых, общественные организации были, как уже отмечалось, формальными и больше выполняли роль дополнительного контролирующего орудия государства. Во-вторых, они могли свободно распоряжаться аккумулируемыми средствами населения (взносами, пожертвованиями и т.п.). Если прежняя система контролировала и направляла их действия, то новая попросту экспроприировала средства этих организаций (партии, комсомола, профсоюзов и т.д.).

Последствия такого курса можно считать социальной катастрофой. Асоциальность либеральной революции завела в тупик все сферы общественной жизни и способствует нарастанию опасных политических противоречий. Неприятие основной частью общества российских либеральных реформ в виде революции, которую поддержал лишь узкий слой спекулятивной буржуазии и тесно связанной с ней новой бюрократии, вызвало к жизни сильные авторитарные тенденции. Это, в свою очередь, стало менять политический характер власти, которая отказывается от правовых и предпочитает силовые методы решения противоречий в строгом соответствии с революционной необходимостью. Казалось бы, социальная нестабильность, кризис представляют собой явления, невыгодные любому режиму. Однако парадоксальность российской ситуации заключается в том, что для складывающейся политической системы это состояние является средой обитания и даже условием выживания. Дело в том, что новая правящая группа, стремясь сначала захватить власть, а затем удерживая ее, стала переходить от апелляции к обществу и опоры на политизированные движения к союзу с новыми социальными силами, сформировавшимися еще в недрах реального социализма на последнем этапе его развития.

Дело в том, что в 70—80-е годы застой "развитого социализма" как системы не положил конец развитию в целом, а лишь серьезно исказил его характер. Отчуждение власти от общества, ослабление внеэкономического принуждения и репрессивного начала, развитие двойных стандартов в морали, этике, политике, "совершенствование" экономической машины, работавшей автономно (производство ради производства) — все это вело к формированию теневой экономики. Однако и эта сфера отличалась социалистической спецификой. Она базировалась именно на изломах, пороках существующей экономики — ее неэффективности в насыщении потребительского рынка, дефицитности и т.д. Сыграли свою роль и социальные особенности: подавление личной инициативы, уравниловка и низкие стандарты жизни, наличие скрытой безработицы. Таким образом, советская теневая экономика возникала в сфере перераспределения, а не производства*.

Другими словами, с самого начала эта экономика была спекулятивно-криминальной. Она и не могла быть иной при наличии жесткой распределительной системы, централизованного планирования,

* Вольно говоря, играла роль неформальной структуры, компенсирующей отсутствие рынка, недостатки политики государства в сфере потребления.

запрещения частной собственности. Экономика в целом была гигантской корпорацией, жестко управляемой бюрократическим аппаратом. Однако именно уравниловка в соединении с недостижимыми, но манящими стандартами жизни толкали чиновников к связи с теневой экономикой — коррупция и криминализация социально-экономической сферы становились привычными явлениями, частично политизировались. Так появились новые социальные группы и силы.

Именно эти силы увидели в перестройке возможность своей легитимации и свободы. Однако они быстро в ней разочаровались, почувствовав угрозу своему все еще неопределенному положению, поскольку эволюционное преобразование экономики и всей общественной жизни предполагало создание альтернативного частного сектора с целью насыщения потребительского рынка через производство, а не перераспределение. И новые социальные группы, возникшие на спекуляции и посредничестве за счет общественных ресурсов, увидели в становлении рыночных отношений реальную угрозу собственному существованию. Становление новых отношений предполагает сохранение и даже усиление регулирующей роли государства, поэтому борьба с эволюционной модернизацией стала для них проблемой выживания. И первыми жертвами в этой борьбе стали социальная (регулируемая) сфера, мощный по масштабам, потенциалу и ресурсам госсектор, возникающий частнопредпринимательский сектор в производстве, возможное изменение характера общественного распределения.

Интересы новых, только возникавших социальных сил совпали с интересами коррумпированной части партийно-государственной бюрократии, элементов хозяйственного корпуса, либо вовлеченных в теневую экономику, либо тянущихся к ней. Они представляли собой, конечно, не единый слой, но в советском обществе были наиболее социально ориентированы, особенно при осознании своих групповых интересов. Конечно, в этом обществе существовали и лучше организованные группы (партийно-государственная бюрократия, директорский корпус), но они заранее были обречены на поражение из-за косности сознания, непонимания перемен. Поэтому большая их часть либо играла против реформистов-центристов, либо устранилась от борьбы.

На мой взгляд, представляя собой реальную силу и четко осознавая свои интересы, новые группы и слои были бы не в состоянии противостоять комплексу реформ, если бы не нашли союзников. Ими оказались периферийные и национальные элиты, которые рвались к власти. Именно поэтому борьба вокруг направления модернизации, ее темпов, инструментария и т.д. быстро превратилась в борьбу за власть, итогом которой стала смена элит через разрушение государства, единого хозяйственного комплекса, отказ от комплексного реформирования. Конечно, нельзя рассматривать этот процесс как сознательный и взаимно согласованный. Есть, однако, серьезные основания считать, что именно совпадение интересов определило характер реформ, понимаемых уже как упрочение власти новой элиты и новых социально-экономических сил.

Путь к такому упрочению власти был обозначен еще на предыдущем этапе: для новых правящих групп — создание социальной опоры, так как поддержка демократического массового дви-

жения имела свои пределы; для новых социальных сил — укрепление положения и источников обогащения. Обе задачи можно было решить путем перехода к авторитаризму и силовому решению политических проблем, а также за счет очередной экспроприации: раздела и передела государственной и общественной собственности, ограбления широких слоев населения (как прямо, так и косвенно — через свертывание социальной политики), устранения конкурентов (например, через налоговую систему) и тех групп, которые могли бы воспрепятствовать проведению этой политики. Сохранить эту среду можно было при помощи "отдельно взятых" "либеральных" реформ*.

Особо подчеркиваю слова в кавычках, так как комплекс реформ даже при всех их социальных издержках неизбежно закладывал бы основы нормализации общественного бытия, при которой нет условий для благоденствия спекулятивно-посреднического капитала и укрепления авторитарных тенденций.

Однако реальность изменяет тенденции. Превращение авторитарных тенденций, поощряемых новыми русскими, в авторитаризм, жесткую власть, потребует жертв для укрепления режима. И часть новых хозяев России внезапно поняла, что именно она может стать жертвой репрессий во имя достижения необходимой авторитаризму социальной стабильности, стать козлом отпущения при поисках виноватых. И последовала немедленная паническая реакция тех политических сил, которые, взяв на себя представительство интересов новых групп, открыто заговорили о перерождении режима. Снова Россия стала перед выбором, но выбором резко ограниченным, недемократическим, ибо эффект бегства от свободы уже проявился, хотя пока еще в форме политической пассивности.

* Ради этого и новые хозяева, и власть согласны терпеть даже издержки организованной преступности.